

Игорь Шестков "Силуши"

Валялся я на пустынном пляже. Конец сентября. Тепло. Блаженство.

Вдруг вижу, – бежит ко мне какая-то старая тетка, руками размахивает. Я закрыл глаза, потому что знал: блаженство закончится, как только она откроет рот. Так и было. Тетка поведала плачущим голосом, что сынок ее соседа по палатке полез на скалы, пролез метров пятьдесят вверх, там запаниковал и не может ни спуститься, ни подняться. Что под скалой бегаёт в истерике его отец и не знает, что делать. Пришлось вставать, надевать сандалии. Тетка привела меня к соседу. Это был мужичок лет сорока пяти. С бородкой. Я сказал ему: «Поднимитесь на скалы слева, в обход, там полого. Ждите меня у обрыва!» И побежал в поселок к рыбакам за веревкой. Тяжело бежать по жаре. Километр туда, километр обратно. И вверх. Хорошо еще, рыбаки поверили сразу и дали канат. Канат весил не меньше пуда. Когда бежал назад, спрашивал себя: «Подохну я сейчас или когда прибегу?» Прибежал. Не подох. Канат мы обвязали вокруг крепкого дерева и сбросили вниз. Через десять минут мальчишка был в безопасности. А я познакомился с его отцом, Толей Киреевым.

Человек Толя был простой, советский. Закончил девять классов, отслужил, пошел работать на фабрику. Фабрика – коллектив. А в любом коллективе есть комсомольская организация. Толя умудрился до 22-х лет не вступить в комсомол. Но тут его уговорили друзья. Для хохмы. Толя вступил. И искренне верил во всю пропагандистскую галиматью.

Шел 1969-ый год – год конфронтации СССР с Китаем. На фабрике проходило общее комсомольское собрание. На нем громили Мао Цзе Дуна и его культурную революцию, горячо обсуждали «события на острове Даманском». Говорили комсомольцы, выступал и почетный гость собрания – секретарь фабричного парткома. Толя внимательно слушал, но не мог понять, в чем же состоит вина председателя Мао. Из путаных речей многочисленных ораторов понять было ничего нельзя. Что на самом деле хочет Мао? Что произошло на Даманском?

В конце собрания – голосование за принятие резолюции. Секретарь парткома

спрашивает – кто за? Все за. Кто воздержался – никого. Кто против? Толя поднимает руку. В зале тишина. Секретарь в недоумении. Спрашивает у своих: «Это кто такой?»

Те отвечают: «Это слесарь Киреев, мы его недавно в комсомол приняли. Наивняк жуткий».

Секретарь парткома обратился к Толе: «Товарищ Киреев, вам, может быть, что-нибудь неясно? Вы обратитесь, мы поясним».

Толя отвечает: «Нам говорили, что Мао – друг СССР, герой, спаситель Китая, мы пели песню «Алеет Восток». А теперь, выходит, Мао плохой. Тут все выступают, агитируют, а в чем Китай виноват, непонятно».

Секретарь парткома такой атаки не ожидал. Сорвался и начал орать: «Да ты что, против постановлений партии? Ты – хунвейбин, Киреев! Убирайся в свой засранный Китай, если он тебе так нравится».

Все последующее – из области советского сюрреализма. Секретарь орал еще несколько минут, обещал «прижучить маоистов на фабрике» и ушел. Рабочие смеялись, они были довольны скандалом на скучном и длинном собрании.

Резолюцию приняли и куда-то отослали, где ее положили в стол и забыли о ее существовании. Все бы кончилось полюбовно, если бы не характер Толи. Он все понимал прямо и честно. Оскорбления секретаря парткома он воспринял как реальное указание уехать в Китай. Написал заявление в китайское посольство в Москве с просьбой о въездной визе. В заявлении он написал, что уважает председателя Мао и не понимает претензий к нему со стороны СССР.

Письмо Толи конечно до посольства не дошло, а прямым отправилось на Лубянку. Толю вызвали на допрос. И начали шить ему дело – шпионаж в пользу Китая. И осудили. И посадили. Судья догадался, в чем дело, и не захотел губить наивную душу. Толе дали только пять лет. И отослали в Мордовию, где было много политических и религиозников. Он отсидел срок со смирением и вышел из тюрьмы не уголовником, а баптистским проповедником.

Однажды звонит мне Толя и говорит: «В деревне Силуши стоит старая деревянная церковь, приезжай, нужна помощь».

Я поехал. Сам не знаю почему. Плевать мне было на Силуши. И ехать было далеко – полтора часа на метро и еще двадцать минут на пригородном автобусе.

Но я поехал. Иногда делаешь не то, что хочешь, не то, что надо, а просто черт знает что.

Силушевская церковь была похожа на большой старый деревянный сарай, увенчанный полупровалившейся луковкой без креста. Стояла она в заброшенном углу «малого» кладбища с полкилометра длиной. Ее окружали старые могилы и непроходимый кустарник. Невдалеке протекал канал имени Москвы. На огромном, заросшем бурьяном, поле между церковью и каналом закапывали в сталинские времена умерших на постройке канала заключенных. Местные жители говорили мне, что «там зарыли сотни тысяч человек, кости лежат всюду, прямо под травой». В десяти минутах ходьбы от церкви располагалось «большое» кладбище, в три километра длиной и в полтора шириной. А за ним простиралась, уже совершенно непредставимых размеров свалка. Чудное место! Познакомился с отцом Ермилием и матушкой Фотиньей. Это были, описанные Гоголем, «старосветские помещики». Отец Ермилей носил совершенно невозможную козлиную бородку. Это был маленький, рыхлый мужчина с детскими ручками и подслеповатыми глазами. Матушка Фотинья, напротив, была дородная, нескладная. Великанша. Она убирала, готовила, всеми командовала, даже руководила церковным хором, не зная толком нотной грамоты. Наивность и доброта этой парочки не имели пределов. Их обманывали – они всех благославляли и любили, отдавали другим все, что могли отдать. Особенно они любили детей, сами они были бездетны. Когда матушка узнавала, что кто-то их обманул, она плакала, а батюшка уходил в алтарь молиться. Там он ругался на обманщика, а потом укорял себя, каялся перед Богом и молился за обидчика. Мне отец Ермилей, посмотрев на несколько написанных мною икон, сказал: «В ваших красках, Вадим, много чувственности, а в иконе нужен духовный колорит. Учитесь, смиряйте сердце».

А матушка добавила: «Приезжайте к нам в гости, мы вас супом накормим». Суп этот матушкин, известный впоследствии многим прихожанам – был чем-то чудовищным, малосъедобным. В нем плавали недоваренные грибы, лук, гречневая каша, соленые огурцы, квашенная капуста, картошка и еще что-то мне неизвестное. Как было не помочь таким людям. Я пожертвовал в церковь мою лучшую икону. Таскал бревна, выбрасывал мусор, клал кирпич. А на следующий

день приехал опять – строить вместе с Толей совершенно необходимый туалет. И еще через день – его достраивать. Через две недели отец Ермилий заплатил мне 100 рублей. Следующие полтора года, вплоть до моего отъезда из России я помогал в Силушевской церкви. Убирал снег, пилил дрова, топил печь, прислуживал в алтаре, пел в хоре, добывал кирпичи. Иногда мне платили, а иногда и нет. Я не обижался. Мой внутренний мир был настолько абсурден, что некоторая странность мира внешнего только помогала. Судьба бьет не так больно, если ты готов подставлять ей шею. При этом я даже не был православным человеком. Шут знает, кем я был – читал тогда с упоением кришнаитские толкования Бхагаватгиты. Даже молился и приносил жертвы Кришне в неофициальном «храме» в частной квартире недалеко от Черемушкинского рынка.

Было это поздней осенью, в первую внезапно налетевшую метель. Весь день мы с Толей работали в церкви – настилали полы. Работа это очень приятная, как и почти все работы с деревом. Длиннющие плоские доски нужно было опиливать по размеру и прибивать гвоздями к поперечным бревнам, уложенным на невысоких кирпичных постаментах. Доски были хороши, примыкали друг к другу как приклеенные. Результат труда был перед нами. Еще вчера у церкви не было пола, а теперь – по церкви можно было ходить. И смолой пахло приятно. Нам никто не мешал, мы не заметили, как прошел день и наступил вечер. Часов в десять мы поняли, что устали. Решили отдохнуть четверть часа и разъезжаться по домам.

Сели на доски. Молчали. Слушали завывание метели с улицы и кряхтенье старого здания. Стены работали, бревна потрескивали. Слышны были и какие-то странные «шаги».

Я сказал: «Толя, ты слышишь, вроде ходит кто-то. Мыши что-ли?»

«Слышу. Кто-то ходит».

Мы прислушались. Раздался звук – как будто кто-то, обходя снаружи церковь, царапал палочкой по стене. И опять – шаги.

«Кто здесь?» – нервозно спросил Толя.

Нет ответа. Кто-то ходил в алтаре. Ходил легко, не как человек. В алтаре еще не

было пола, значит ходили по земле. Мы зажгли пару церковных свечей и пошли посмотреть. Подошли к алтарю. В темноте разглядели два уставившихся на нас кошачьих глаза. Кот! Мы обрадовались. Кот, даже черный, не черт и не человек, кот мышей ловит...

Потом Толя ушел, а я остался. Его автобус должен был подойти через пять минут, а мой – только через полчаса. Не хотелось стоять в темноте на дороге. И вот я в церкви один. Вспомнился вовсе не к месту – гоголевский Вий. У стен и по всем углам темно. В темноте кто-то копошится, стонет. Кот бегаёт по алтарю. Стены трещат, метель воеет. А может и не метель, а волки. В десяти километрах от Москвы? Кто его знает. Россия – глушь, исконная мать-земля, мировой пустырь. Тут и черти и ведьмы и волки и кое-кто похуже может встретиться. Может быть, мертвец с кладбища притащился? Или души убитых зеков по окрестностям рыщут, ищут Усатого, чтобы раздробить его кости?

Стал собираться. Переоделся. Потушил лампочку. Спокойно вышел на улицу, повернулся к двери лицом и стал ее запереть – на несколько замков. Возился с ключами, а спиной чувствовал чей-то взгляд. Запер наконец. Неспеша повернулся. И замер. Что я увидел? Сначала – только метель, деревья, кресты и надгробья, полузанесенные снегом. В десяти метрах от церкви стояла игрушечная колокольня, полуметровый треснутый колокол висел на перекладине под небольшой крышей. Под колоколом стояла темная крылатая фигура. Демон!

Стоял без движения и смотрел на меня. Черный, большой. Метель мела как развивающийся саван.

Я смотрел ему в лицо. В пустоту. И видел в ней самого себя. Видел тысячи живущих во мне злых духов. Все они показали мне свои гадкие личины.

Через несколько минут демон повернулся ко мне спиной и пошел в сторону канала. Огромные черные крылья скребли по снегу, бились о ветки кустарника. Он шел не оборачиваясь, странно подсакивая, как хромая птица. Как будто хотел взлететь, но не мог. И скоро пропал в белесой тьме.

А я пошел к остановке. Рассказывал потом жене и друзьям, что видел демона на кладбище, но мне никто не верил. Смеялись, шутили. А батюшке ничего не сказал – подумает еще, что я псих. Через несколько дней я узнал, что в тот вечер

в близлежащем селе произошло убийство. Несколько мужиков перепились, устроили драку с поножовщиной. Одного – смертельно ранили. Убийца в исступлении убежал. Милиция искала его, но не могла найти. Он хромал, носил длинное черное пальто. Его взяли через неделю в пивной где-то в Химках. Однажды отца Ермилия пригласили причастить и соборовать умирающую старушку в деревне. Я пошел с ним. Вошли в дом. Прошли тесные грязные сени, вошли в горницу. Телевизор, диван, пара стульев. А оттуда в спальню. Тут кровать, перины, какие-то тумбочки. Фотографии родственников на стенах. Несколько бумажных иконок в углу. Лампадки.

Знаете, чем пахнет русский деревенский дом? Какой-то невыносимой тухлятиной. А в спальне к этому примешивались запахи лекарств, горящих свечей и ладана. Умирающая хрипит. Вокруг нее сидят женщины в платках. Причитают.

Отец Ермилий чувствовал себя в такой обстановке как рыба в воде – облачился, подошел к больной, поговорил с ней ласково, разложил на столике свою амуницию, начал читать молитвы. Принимала нас дочь старушки – сама уже немолодая, лет может 60 или чуть поменьше. Деревенские русские женщины рано стареют, жизнь у них собачья, за собой они не следят...

Эта дочь отвела меня на кухню. Посадила за стол, покрытый клетчатой синей клеенкой. За столом уже сидело несколько мужчин. Мне налили полстакана водки. Не пить нельзя, обида. Выпили. Закусили вареной картошкой, черным хлебом, луком и солеными огурцами.

«Подождь парень», – сказал мне дед, муж умирающей старушки. – «Сенька-внук сейчас придет, принесет раков. Тогда закусим».

И налил мне еще полстакана. Я выпил. Стало легко. Вонючка перестала мучить. Мужики были ко мне дружелюбны. Это было приятно, обычно русские люди инстинктивно чувствовали во мне чужака, бывали замкнуты или агрессивны. Разговор шел о рынке, на котором Сенька продавал кроличье мясо. Толковали о ценах, о других продавцах, о ментах, которые «хуже жидов». Я молчал и слушал – мне редко удавалось послушать что советский народ говорит. Жизнь в Москве была жизнью на острове. Настоящая Россия начиналась за окружной дорогой. Пришел Сенька с раками. Раков пустили «купаться» в ванную. На газовую плиту

поставили огромную зеленую кастрюлю с водой. Раков полагалось варить живьем и тут же есть. Сенька был уже пьян – отмечал продажу кроликов. Его попросили рассказать, как было на рынке.

«Пришел я, значить, к обеду, чтобы эпидемстанция не при..алась, – рассказывал Сенька. – Разложил товар. Вначале никто кроликов не брал. Я уж думал домой ехать. Потом стали покупать. Один жид лысый подошел. Купил. Потом другой, старый жид с жидовкой подошел. Третий жид, молодой, трех кроликов купил! И потом – одна жидня покупала! Одна жидня!» – всхлипывал Сенька, как будто сообщал очень печальную новость.

Тем временем, батюшка закончил соборование и присел за стол. Помолился. Благословил еду. Выпил немного водки.

Стали ловить в ванне раков. Их было жалко. Несколько раков бросили в круто кипящую воду. Там они стали красивыми – покраснели.

Выпили еще. Раков я есть не умел – мяса в них мало, есть надо было руками, а я этого не люблю. Батюшка тоже не ел – по странным соображениям, приводить которые мне не хочется. Надо было бы уйти, но мы не хотели огорчать хозяев.

Выпили еще, и тут Сенька потерял голову, осатанел.

«Братцы!» – заорал он. Потом, посмотрев на отца Ермилия, добавил: «Извините, батюшка. Братцы! Я буду раков живыми есть. Как японцы – едри их мать.

Спорим что буду?»

Кто-то попытался его урезонить. Но он слушать ничего не хотел и отправился нетвердой походкой в ванную комнату – к ракам.

«Ах, ядри его, кусается!» – послышалось из ванной. Потом Сенька появился в кухне. В руках он держал большого черного рака, который вяло шевелил клешнями и пускал пузыри.

«Тарелку мне большую!» – орал Сенька. Тарелку ему поставили.

«И водки налейте!»

Налили. Сенька выпил для храбрости и попытался оторвать раку клешню. Это у него не вышло, рак ухитрился защемить Сеньке палец. Сдавил до крови. Сенька резко отдернул руку – рак упал на пол и неожиданно проворно уполз под шкаф. Оттуда его доставали шваброй. Вымыли в умывальнике и бросили в наказание в кипящую воду. Сенька сосал раненый палец и выл. Потом принес другого рака,

оторвал ему клешню. Положил раненого рака в тарелку, из которой тот сейчас же выполз на стол. Его стали ловить. Разбили чашку. Уронили на пол вилку. Сенька разгрыз клешню, добрался до сырого мяса. Начал, демонстративно причмокивая, обсасывать.

«Господи Иисусе! – закричала, вошедшая в кухню дочь старушки. – Сенька, сынок Что ты делаешь? Фу, гадость какая! Постеснялся бы отца святого!» Мы с батюшкой покинули квартиру. А умирающая не умерла. Приходила с дедом на службу и спокойно выстаивала длиннейшие литургии отца Ермилия.

... Толю Киреева убили в конце перестройки хулиганы. Отец Ермилий и матушка Фотинья умерли в середине девяностых. Сенька стал позже депутатом Государственной думы.